

Классный час «Необъявленная война»

Цели и задачи:

- создать условия для формирования у учащихся чувства гражданственности и патриотизма, чувства долга, ответственности, отваги на личных примерах воинов-интернационалистов;

-развивать интерес к истории прошлого столетия;

-прививать уважения к старшему поколению;

-расширять кругозор учащихся; духовно обогатить учащихся через знакомство с поэтическим и песенным наследием воинов-интернационалистов.

Ход занятия:

Эпиграф: Кто виноват, что, испытав все муки,
Мы не в восторге от своих наград?
Быть может, мой товарищ виноват,
Что возвратился к матери безруким?

Кто виноват, что жизнь свою отдали,

А славы не прибавили стране,

Что нас, непобеждённых в той войне,

Как побеждённых дома принимали?

Кто виноват, что так и нет ответа,

Зачем была та странная война,

Где есть одна лишь страшная цена

И никакого выигрыша нету?

15 февраля исполняется 32 года со дня вывода Советских войск с территории Афганистана. Памяти всех воинов-интернационалистов, прошедших дорогами Афганистана, посвящается...

Время дальше и дальше отдаляет нас, живущих в XXI столетии, от века прошлого с его эпохальными событиями, которые останутся в памяти последующих поколений. Афганская война, длившаяся с 25 декабря 1979 г. по 15 февраля 1989 г., по своим масштабам занимает скромное место в цепи военных конфликтов. Но по бессмысленности понесенных потерь, моральному ущербу и политическим последствиям равных ей нет.

Официально войну в Афганистане называли «выполнением интернационального долга». Что это была за война? С чего всё началось?

В 1978 г. в Афганистане произошел переворот, к власти пришла прокоммунистическая Народно-демократическая партия Афганистана. Ее лидеры стремились за короткий срок построить социализм в отсталой феодальной стране. Эта политика не встретила поддержки со стороны населения. В ответ на репрессии афганцы взяли за оружие. Соппротивление коммунистам возглавили исламисты. Партизанам, которых называли борцами за веру или моджахедами, помогали США и Пакистан. Афганские власти обратились с просьбой оказать военную помощь в подавлении этого сопротивления путём ввода советских войск на территорию Афганистана.

Советское руководство для предотвращения угрозы появления у границ СССР враждебного государства, приняло решение о введении Ограниченного контингента Советских войск в Афганистан. Им предписывалось защищать местное население от банд, а также распределять продовольствие, горючее и предметы первой необходимости. Решение было принято 12 декабря 1979 года. В ночь на 27 декабря советский десант высадился в столице страны Кабуле и штурмом взял дворец

диктатора Амина. На следующее утро в Кабул начали прибывать наши войска. Но через некоторое время наши войска были втянуты в разгоравшуюся гражданскую войну между вооруженными силами Демократической Республики Афганистан и моджахедами и стали ее активными участниками. Ведь в Афганистане испокон веков очень сильные племенные традиции, огромную роль играет религия. Ислам – часть культуры и образа жизни народов Афганистана. Никакие пришельцы не в состоянии утвердить на афганской земле иные порядки. Вводя 40-ю Армию в Афганистан, советские руководители рассчитывали быстро «навести порядок» — и сделали неверный шаг...

9 страшных лет продолжалась война в Афганистане. Заокеанские стратеги в борьбе за влияние в этом взрывоопасном регионе не жалели средств. Против нас была объявлена не только информационная война. Широкой рекой текли в Афганистан современные средства ПВО, стрелковое и тяжелое вооружение, средства минной войны. Но главное – деньги. За каждое ухо советского солдата, как за скальп во время покорения Америки щедро платили. Убийство из засады стало самым прибыльным бизнесом для простого афганца.

Эта война называлась «необъявленной». За 9 лет советские войска участвовали в 416 плановых боевых операциях. А в это время московское радио и телевидение сообщало о посаженных деревьях, выкопанных советскими войсками арыках и плановых боевых учениях, а оттуда прибывали в села и города цинковые гробы. Ребята уходили служить в армию, и многие родители не знали, что их сыновья отправлены в далёкий Афганистан. Из письма майора Анатолия Девятьярова, пропагандиста артполка: «Глядишь на убитого и думаешь о его матери: я вот знаю, что ее сын погиб. Может она в эту минуту сидит на свадьбе. Сказать ли ей? Еще хуже – упал в реку или в пропасть, тело не нашли. Матери сообщают: пропал без вести... Чья это была война? Война матерей. Они воевали. А народ не страдал. Народ не знал.»

За девять лет через Афганистан прошли около 600 тысяч советских воинов. Мы потеряли убитыми и умершими от ран 13833 человека, ранеными и искалеченными – 49985 человек, пленными и пропавшими без вести – 330 человек. Стали инвалидами войны – 6669 человек. Сотни людских жизней оказались связаны с событиями, развернувшимися в стране гор и песков. Судьбы русских мальчишек, оказавшихся вдали от родины и заглянувших в лицо смерти...

Все трудности ребята переносили стойко, мужественно, героически. На горных заставах, в воздухе и на земле, в Герате и Кандагаре, Кундузе и Желалабаде выполняли они свой воинский долг. Они попадали в засады и заживо горели в БТР-ах, глотали пыль дорог под перекрестным огнём пулемётов, рискуя собственной жизнью, вытаскивали с поля боя раненых, оставаясь один на один с врагами, прикрывали отход своих боевых товарищей. Полистайте Книгу Памяти:...геройски погиб в ночном бою; вступил в бой с превосходящими силами противника и погиб; руководил боем, будучи смертельно раненым, до последнего дыхания; погиб в рукопашной схватке...

За мужество и героизм, за с честью выполненный долг орденами и медалями СССР награждены 200 тысяч военнослужащих, в том числе посмертно – 10900. Удостоены звания Героя Советского Союза 66 военнослужащих, из них – 23 посмертно.

Когда закончилась война, солдаты и офицеры с чувством выполненного долга вернулись на родную землю. С огромной радостью встречали их отцы и матери, жены и дети, друзья и любимые. А за порогом дома их считали «побеждёнными» и старались не говорить об этой войне. Как будто и не было её. Из письма Владимира

Ерохова, рядового гранатометчика:

«...Возвращались мы с надеждой, что дома нас ждут с распростертыми объятиями. И вдруг открытие – никому не интересно, что мы пережили.

... В институте старый преподаватель убеждал:

– Вы стали жертвой политической ошибки.

– Мне было тогда 18 лет. А вам сколько? Когда у нас там шкура лопалась от жары, вы молчали. Когда нас привозили в «черных тюльпанах», вы молчали. Теперь все разом заговорили: жертва... ошибка...

А я не хочу быть жертвой политической ошибки. Пусть свет перевернется, но это не перевернется: герои в земле лежат».

Не всем выпало пройти живыми эту дорогу через войну - домой из Афганистана. Шли домой солдатские письма. Шли с войны, обожженные, пропахшие потом, кровью и порохом. Но не было в них рассказов о войне. Не разрешалось об этом ни писать, ни говорить. Вроде бы и нет ничего. А любящие сыновья, конечно же, жалели своих родителей. Поэтому в письмах описывали обычную службу, как у всех, просили за них не переживать, не беспокоиться. И, даже вернувшись оттуда, скрывали правду.

Сегодня, уже можно, не скрывая правду, говорить об этих событиях. Правда о войне из воспоминаний непосредственных её участников.

От тех, кто прошёл войну...

Алексей, Новосибирск: Да простят меня ребята-саперы, если я поведаю о минной войне в Афганистане без свойственного им профессионализма. Попытаюсь доступным языком объяснить, что за устройства использовали моджахеды в этой необъявленной десятилетней войне.

Как мне рассказывали наши полковые саперы, многие мины итальянского производства были пневматического действия — то есть проезжала одна машина по mine, мина, соответственно, получала один уровень подкачки, затем вторая — еще один уровень, а вот третья или, скажем, шестая машина в колонне попадала под срабатывание взрывного механизма мины. Иначе говоря, механизм приводился в действие вот этим так называемым «подкачиванием», происходившим за счет нажатия колеса гусеницы нашей техники, и когда уровень доходил до критической точки — происходил взрыв.

Соответственно, когда в колонне, где до начала движения щупом был проверен каждый метр маршрута, происходил подрыв, это вызывало удивление и множество вопросов к саперам. Повторюсь, что, как мне объяснили саперы, по такой mine можно было проехать, если колесо машины не покрывало 3/4 площади мины, то есть проехал по ней, по 2/4 ее площади, — все равно, а вот следующая единица техники может запросто подорваться. Именно минная война принесла нам в Афганистане большое количество изувеченных ребят, особенно в Панджшерском ущелье.

Алексей Поспелов, 58 лет, служил в рембате с 1984-го по 1985 год, дважды ранен:

Честно говоря, все это уже стирается из памяти, только снится сейчас. Жара, пыль, болезни. У меня было осколочное ранение в голову и в ногу. Плюс к этому был тиф, паратиф, малярия и какая-то лихорадка. И гепатит. Болели гепатитом многие, процентов 90, если не больше.

Меня после распределения в 1982 году направили в Германию. Там я прослужил год и восемь месяцев, еще не женился к тому времени. Пришла разрядка в Афганистан, меня вызвал командир и говорит: «Ты у нас единственный в батальоне холостой, неженатый. Как смотришь на это?»

Я говорю: «Командир, куда родина прикажет — туда и поеду». Он отвечает: «Тогда пиши рапорт». Я написал рапорт и поехал.

Но сейчас туда, конечно, ни за что бы не поехал. Бешеные деньги, которые там крутились, никому добра не принесли. Там очень много грязи было. А я был идеалистом. Когда меня выгнали из партии, я стреляться собирался, не поверишь. Это я сейчас понимаю, какой был дурак, я воспитан так был. Мой отец всю жизнь был коммунистом, оба деда в Великую Отечественную были... Я сейчас понимаю, что это шоры были идеологические, нельзя было так думать.

Юрий Жданов, майор мотострелковых войск, служил в Афганистане в 1988 году: С «зелеными» — солдатами Наджибуллы, которые за нас воевали, — тоже приходилось работать. Ездили, с местными общались — есть фотографии, когда мы приезжаем, вокруг бородатые стоят, а мы броней идем — колонной. А они там со всякими «хренями и менями» в боевые действия не вступили, склонили на переговоры — тоже показывали свою силу.

Я таджиков-солдатиков из третьего батальона взял и туда, в совмещенный командный пункт, который в Баграме был, где их штаб находился, чтобы они с местными поговорили. На первый день послал одного, на второй — другого. Я специально с собой таджиков взял, причем не простых, а которые на фарси говорили, — большинство афганцев общается на этом наречии.

Один из этих моих солдатиков рассказывал, что они попытались его «заблатовать»: «Давай, мол, беги по-быстрому к нам в банду, мы тебя в Пакистан переправим, скоро шурави (русские) уходят. Тебя там в Пакистане поучат, а Союз-то скоро развалится. Ты придешь к себе в Таджикистан и будешь там большим человеком». Это 1988 год! Для меня, партийного и офицера, это звучало как бред сивой кобылы. Мысль о том, что Союз развалится, — вообще была из области фантастики.

Отец Валерий Ершов, служил в Афганистане заместителем командира роты в бригаде обеспечения в городе Пули-Хумри, отслужил 10 месяцев вплоть до вывода войск из Афганистана: В Бога я в ту пору еще не верил. Был таким человеком, который ищет справедливости во всем. С одной стороны, в этом есть своя чистота, а с другой — наивность. Среди подчиненных принципиально неверующих людей не

было. По крайней мере у всех, когда выходили на утренний осмотр, были либо вырезанные крестики, либо пояски с 90-м псалмом. Такова военная традиция. Я порой подтрунивал над солдатами: «Что это такое? Ведь вы же коммунисты, комсомольцы, а верите какой-то ерунде»... Но снимать кресты не просил.

На границе между жизнью и смертью, да еще и в чужой стране, отношения между солдатами были пропитаны абсолютным доверием. В Афгане я мог подойти к любому водителю и попросить, чтобы меня подбросили куда-то. Без вопросов. То же самое — на вертолете. Ни о каких деньгах, как вы понимаете, речи быть не могло.

При этом никакого панибратства, понимаете? Вот в чем штука. Я подчиненных называл по имени-отчеству, но это не отменяло постоянных тренировок и других методов поддержания подразделения в форме, чтобы люди были готовы ко всему. Приказы не надо было повторять дважды, не надо было даже проверять их исполнение. Единственное, насколько было можно, мы делали бойцам щадящие условия: три часа на сон вместо двух, потом — час бодрствования и еще два — в наряде.

Одна из главных проблем афганцев — это обида, что здесь, в Союзе, все не так, как было в Афгане. В первую очередь не хватало таких же теплых отношений между людьми.

Порой нас встречали даже с некоторой враждебностью. Так, по возвращении из Афгана мы с другим офицером хотели новые фуражки получить. Объяснили, что в командировке вся форма поистерлась и так далее, а нам ответили: «Мы вас туда не посылали». Я понимаю, что это расхожая фраза, но так действительно говорили и, разумеется, не все ветераны, а особенно те, что сражались на передовой, могли молча такое проглотить.

Господь меня увел от таких проблем. Я нашел отношения, схожие с теми, какие были в Афгане, в среде верующих людей. У тех, кто войну прошел, правильное понимание вещей возникает. Часто ветераны к своим наградам относятся так: «Разве это мои ордена и медали? Это все товарищи мои боевые, а я тут ни при чем». Или даже так говорят: «Это Господь мне помог, это его заслуга».

Местные, измученные гражданской войной, поначалу встретили войска СССР радостно — кое-где их вышли приветствовать с цветами и флагами, — однако такое отношение продержалось совсем недолго. Первый бой афганцы дали уже в начале января — артиллерийский полк в кишлаке Нахрин поднял мятеж и убил советских военных советников. Восстание жестоко подавили — это стало первым, но отнюдь не последним эпизодом из тех, что толкали население на джихад.

Племена Афганистана воевали отнюдь не только с иностранными захватчиками — всю историю пуштуны и другие воинственные народности, живущие в этих выжженных солнцем горах, периодически устраивали кровавую резню между собой. Традиции

кровной мести и стычек между племенами мешали афганцам как следует объединиться даже тогда, когда против их устоев пошло войной государство с радикальными социалистами у власти. Однако полноценное вторжение Советского Союза — враждебного не только идеологически, но и религиозно — заставило народные массы сплотиться под черным знаменем джихада, священной войны против неверных. В такой войне не было просто погибших — павшие объявлялись шахидами, умершими за веру.

Поэтому советским солдатам, которые в Афганистане, как принято говорить, исполняли свой долг интернационалистов, пришлось столкнуться с настоящей партизанской войной: без линии фронта, без ясного разделения на боевиков и гражданское население — слишком сложно было выяснить, как на самом деле относятся к «шурави» («советским») жители очередного занятого ими кишлака и в какой момент мирный пастух достанет из подвала автомат и начнет действовать как моджахед.

При этом в идеологической концепции Советского Союза партизаны всегда выступали как благородные борцы за свободу, противостоящие империализму. В руководстве понимали, как обстоит дело. Еще до ввода войск [Юрий Андропов](#) подчеркивал: «пришлось бы воевать в значительной степени с народом (...), бороться против народа, давить народ и стрелять народ».

Народ воевал неподалеку от своих домов. Моджахеды знали тайные тропы и удобные для засад ущелья, уходили из окружения, прятались в пещерах и черпали воду из родников — или даже спускались с гор и скрывались среди мирного населения. Нападая из засады или исподтишка, они часто заставляли советских солдат врасплох. Те же старались отыгрываться за счет профессионализма, организованности и технического превосходства — в распоряжении 40-й армии, конечно, имелась как артиллерия, так и авиация. Но советские части были укомплектованы слишком большим количеством техники, не адаптированной под борьбу с рассеянными в горах отрядами, — и попросту не имели выработанной тактики контрпартизанской борьбы. Методы работы приходилось выработать прямо на месте, там же — модифицировать оружие и технику.

Коварству противника сопутствовали условия, привычные для афганцев, но крайне тяжелые для неподготовленного человека: разреженный горный воздух, скачущее давление, песчаные бури, перепад температур от палящего полуденного зноя до ночного холода — местами разница доходила до 40 градусов. Солдатам угрожали ядовитые змеи и насекомые, малярия, дизентерия и гепатит отправляли тысячи советских военных на койки госпиталей.

Чтец 1:

Вчера мальчишки выпускной гуляли,

Ломился стол от всяческих сладостей.

И в ночь подруги им судьбу гадали,

И нагадали тысячу путей.

Но выпала всем дальняя дорога

в чужую неизвестную страну.

И не нашлось другой судьбы у Бога,

Чем эта - через страшную войну!

Чтец 2:

И им пришлось испытать ее до края

И, обманув в письме отца и мать,

Мол, не на бой - «по делу» вылетаем

В жестокой сече к смерти привыкать.

Их уносили «Черные тюльпаны»,

Не в небо - к Богу в девятнадцать лет...

За землю предков дрались там душманы.

А мы за что? Никто не даст ответ.

Чтец 3: И вот вернулись к нам мальчишки. Поседели.

У сердца - боевые ордена.

И шрамы - как отметины - на теле.

И в душах - не кончается война.

Чтец 4: И в снах - опять восстанет из могилы

Тот, на твоих глазах погибший друг.

И не найдется в целом мире силы,

Чтоб разорвать порочный этот круг!

